

Языки и увлечения Хайнера Айхнера

Хайнер был настоящим полиглотом. Он любил и знал современные языки; не только европейский «джентльменский набор» (английский, французский, итальянский), но еще русский, литовский, албанский, фарси, курдский. Древние языки были его страстью, конечно, не только древнегреческий и латынь, знакомые с гимназии, но еще и санскрит, хеттский, этрусский, язык Лемноской стелы.

Приезжая в Литву, он говорил и читал доклады по-литовски. Увлекся эсперанто и писал на нем стихи. Русский язык он выучил по специальным обучающим радиопередачам, говорил свободно, потому что не упускал ни одного случая поупражняться. Собственно, наше знакомство началось и продолжалось из-за его постоянной готовности перейти на язык его собеседников. Он говорил по-русски не всегда уверенно, искал некоторые слова, но быстро их находил или переформулировал. Его способность к языкам была удивительной, намного превосходящей обычные, даже очень завышенные профессиональные рамки⁶.

Уровень владения языком можно определить по тому, может ли человек пошутить на чужом языке. Шутки Хайнера были часто пронизаны каламбурами, построенными на знании языков, о которых он не забывал ни на минуту. Например, как-то мы собирались идти куда-то вместе. Он позвонил снизу, с автобусной остановки, и сказал: «Смотри, дурак на дураке стоит» (по-турецки *durak* 'остановка'). Наверное, ему было скучно среди людей, которые знают всего 2–3 языка и не могут оценить его юмора в полной мере. Как-то я собиралась в командировку в Загреб, где никогда до этого не была, и спросила его, что там нужно обязательно увидеть. Он ответил: «Это очень просто — надо пойти в археологический музей и попытаться прочесть «льняную книгу»⁷». Сам он наверняка так и делал.

---

⁶ А. С. Николаев напомнил нам, что «на хеттологических конференциях, проводимых в Турции, Айхнер был единственным ученым из Европы, который регулярно посещал доклады на турецком языке и активно участвовал в прениях».

⁷ *Liber linteus* — текст на этрусском языке, написанный на льняном полотне.

В то время, когда я работала в Вене, он увлекался курдскими диалектами. Как-то раз он позвал меня в кино. Я даже не спросила, на какой фильм мы идем, а когда он начался, очень удивилась. Фильм назывался по-немецки «Время пьяных лошадей» и рассказывал о жизни афганских контрабандистов, которые вручную через горы перекатывали и продавали автомобильные покрышки. После я спросила, почему он выбрал этот фильм. Он ответил: «Ты что, не поняла, они же говорили на *заза*» (*заза* – один из курдских диалектов). Увлекаясь каким-то языком, он собирал все доступные сведения о нем. Например, о диалектах *курманджи* и *заза* он узнавал в том числе и из публикаций сотрудников Отдела теории грамматики ИЛИ РАН — этнического курда К. Р. Эйюби и И. А. Смирновой, уникальных специалистов по курдским диалектам. Их работы, написанные на русском языке и изданные в СССР, не были широко известны европейским иранистам, но Хайнер, читавший порусски и знакомый с бесконечным числом лингвистов из разных стран, конечно, интересовался их публикациями и сразу же попросил привезти ему из России все работы Смирновой и Эйюби, которые только можно достать.

Любовь к языкам и диалектам проф. Айхнер переносил на своих коллег и носителей разных языков. Один раз я побывала на курдском вечере, который был устроен им в Институте индогерманистики, в главном здании Венского университета. Со всех сторон к университету стекались молодые курды с книгами и музыкальными инструментами. На вечере пели, читали стихи, танцевали, а во главе всего сидел румяный сияющий Хайнер, говорил с участниками на непонятных мне диалектах и наслаждался окружающей языковой стихией. Глядя на него, окруженного информантами, я всегда думала, что *гуманитарный* и *гуманный* одного корня. Насколько я могла судить, к своим коллегам по Институту он тоже относился нежно и внимательно и старался поддержать их во всем, как и всех лингвистов, носителей разных языков, приехавших в Вену ненадолго. Такая атмосфера доброго внимания и всесторонней помощи приезжим коллегам поддерживалась в двух главных для нас лингвистических центрах Венского университета – Институте языкознания, возглавляемом проф. Вольфгангом У. Дресслером, и в Институте индогерманистики под руководством Хайнера Айхнера.

Однажды они оба пригласили меня прочесть доклад по детской речи на вечернем заседании Венского лингвистического общества. Доклад был о прилагательных на русском материале. После моего рассказа стали задавать вопросы, и один из участников спросил, не напоминают ли конструкции с прилагательными в речи русских детей турецкий изафет. Я стала лихорадочно вспоминать, что знаю об изафете, и тут Хайнер, который вел заседание, тихо сказал мне: «Не волнуйся, он просто сумасшедший, такие всегда приходят на наши доклады».

После возвращения из Вены мы продолжали ездить на ежегодные семинары проекта В. У. Дресслера «Ранние этапы развития морфологии», которые бывали в конце февраля. Заседания продолжались до вечера. Когда мы с коллегами собирались в Вену, обычно писали об этом заранее и профессору Айхнеру. В один из вечеров он обязательно звал нас на встречу в маленький ресторанчик на границе девятого и восемнадцатого районов. Наверное, я не смогу сама найти это место и не вспомню, как оно называлось. Помню только, что хозяин этого ресторанчика относился к Хайнеру и всем его гостям с огромным почетом и уважением и раскрывал перед нами все прелести курдской, иранской и индийской кухни. Конечно, я не вспомню названий тех блюд; обычно это был белый рис с курицей, в который официант у нас на глазах вбивал сырое яйцо и быстро смешивал его с горячим рисом и мясом. Запивали мы все это манговым молоком или таном, иногда пили молодое белое вино. Кафе было маленькое, небогатое, нетипичное для Вены, а мы чувствовали себя избранными гостями профессора Айхнера на самом важном светском событии. Обсуждали языки, новые статьи, Хайнер рассказывал о летних раскопках, в которых участвовал в том году, или о своих наблюдениях за какими-нибудь славянскими (для нас) или литовскими (для коллег из Каунаса) конструкциями. Ехали домой поздно вечером, счастливые и вдохновленные его рассказами.

Помимо лингвистики он увлекался материальной историей, ходил на антикварные выставки, хорошо разбирался в *килимах* — особенных персидских коврах, сотканных вручную, ценил и покупал старинную мебель. Его завораживало дыхание эпох, отметки времени на старом дереве, то, что этот стол или шкаф

мог стоять в комнате у персидского купца или врача, быть свидетелем событий жизни и смерти известных людей. Он знал наизусть собрание монет Венского музея истории искусства и любил заходить на второй этаж, где расположена выставка «монетного кабинета». Окно его рабочей комнаты в университете выходило на Ринг, на площадь перед Обетной церковью; из любого трамвая было видно, что там горит свет до поздней ночи. Грустно думать о том, что сейчас оно, скорее всего, темное. Но приятно вспомнить, что мы были участниками и свидетелями романтической, интуитивной и персонализированной лингвистики на рубеже 20-го и 21-го веков. Светлая память, дорогой профессор Хайнер Айхнер.

Профессор Айхнер во время конференции
«Индоевропейское языкознание и классическая филология» (2007 г.).